

# **Беседа**

## **с Валерием Владимировичем Вишневским**

***Есть духовные заповеди, к которым мы должны стремиться. Иметь свое внутреннее чувство к Богу, надо изнутри все делать, не только внешне. Но у многих людей по-разному получается. Кто делает на деле, а кто будет молиться днями. Я считаю, что все нужно делать: и помочь кому-то, и молиться надо тоже.***

**В. Вишневский**

– Валерий, начнем беседу. Представьтесь, пожалуйста, полностью, и расскажите, чем занимаетесь.

– Вишневский Валерий Владимирович, я с 1959 года, то есть мне уже 54 года.

По образованию – бухгалтер, работал какое-то время бухгалтером, перешел на стройку, штукатуркой занимался. На работе перенес травму, стал полуинвалидом, сейчас работаю водителем русского общественного автобуса г. Мельбурна.

Пел в церковном хоре 35 лет, был певчим. Занимаюсь поездками. Семья есть, сын Михаил, ему уже 26 лет исполнилось 23 февраля. Дочка есть Надежда, пасынок Максим. Занимаюсь общественными делами тоже, всегда занят чем-то. И в данный момент тоже подрабатываю немножко, развозим газеты, рекламы разносим, так, чтобы была дополнительная зарплата, на карманные расходы.

– Родились в Австралии, в Мельбурне?

– Родился в Мельбурне, да.

– Как случилось, что Вы так хорошо говорите по-русски? Совершенно не скажешь, что Вы эмигрант, что родились вне России. У Вас была русскоговорящая семья?

– Да, русскоговорящая. Мама моя вообще родом из Польши. Во время Второй мировой войны часть Польши вошла в Белоруссию. И мама уже очутилась в Белоруссии, в Советском Союзе. Отец мой из Молдавии, из города Тирасполя, теперь это Приднестровье, суверенное государство, независимое, но никем не признанное.

Конечно, как у всех русских эмигрантов того времени, той эпохи, послевоенной, в основном старались, чтобы дети разговаривали, росли, воспитывались по-русски. Многие влились, ассимилировались очень быстро, некоторые нет. Некоторых детей заставляли говорить по-русски. Но у моего отца был другой немножко подход. Он рассказывал о России, хорошую, положительную сторону страны. И у меня появился интерес к языку, культуре, так я стал играть в балалаечном оркестре «Садко», ансамбле мельбурнском, местном. Нас было где-то 13-14 человек, на балалайках играли, на домбрах играли, на баяне, аккордеоне, гитаре и прочих инструментах. Исполняли русские народные песни, я даже участвовал в танцевальном ансамбле, когда был чуть помоложе.

– *А закончили Вы австралийскую школу?*

– Да, среднюю и институт по бухгалтерии.

– *Общение в русской среде было не только в семье? Видимо, в храм ходили?*

– И в храм. Тогдашняя эмиграция была не экономическая, приехала не из-за материального блага, а из-за притеснения веры, и, конечно, из-за непримиримости с советской властью, то есть, многим нельзя было возвращаться. Например, моему отцу нельзя было возвращаться после войны на родину. Отец был из раскулаченной семьи, его отец, Яков Михайлович, был белым офицером. Когда мой отец служил в Красной Армии, был приказ его и других раскулаченных расстрелять, свои должны были расстрелять. У него был хороший начальник военной части и всех таких, как мой отец, он предупредил и отпустил вечером, дал им провиант, винтовку одну на троих, пули; сколько можно было на себе вынести, они то взяли и удрали все. И потом, в итоге, поймали их немцы в лесу, конечно, все сдались. Что три мужика сделают против танков, собаки и автоматов, лучше сдаться. И хотя в Германии условия были не ахти хорошие первоначально, но отец все-таки выкрутился из всего. Выучил быстро за 3 месяца немецкий язык, потому что кто не знал немецкий, тех немцы били прикладом. У отца была работа, он работал в угольной шахте, норма у него была грузить 8 тонн угля в день в вагонетки в шахте. Из-за того, что отец выучил немецкий язык, ему немножко облегчили норму, теперь 6 тонн в день надо было копать. Но кормили не очень хорошо, готовили суп из щавеля. Щавель, шпинат из земли выкапывали, даже не мыли, с грязью, со всеми делами, с камушками, не солили часто. Это все на уничтожение русских людей программа была.

Сам отец очень часто рассказывал, вспоминал.

– В Германии он был в оккупации или в плену?

– В плену находился, а мама на оккупированной территории, под оккупацией. То есть немцы в Белоруссию зашли, по деревням ходили, ездили и собирали всю молодежь на работу. Кому 18 лет, тех на работу брали. Интересно, немцы, они очень организованные, у них были списки, схема, маршрут во все деревни. Они уже знали, куда ехать и кого собирать. И маму взяли в город Кобрин, это где-то километров 30 надо было пешком идти, там сажали всех на поезд в вагоны. Замыкали снаружи и отправляли в Германию на работу. Мать то в лагере работала, то в каменоломне, потом у фермера работала. Там уже условия были немножко лучше и самое интересное, мама рассказывала, что в России уже признали Власова, как предателя, так как Власов к немцам перешел. Власов начал требовать, просить у немцев, чтобы дать лучшие условия русским пленным. И мама говорит, что последний год, полгода до конца войны, русских уже начали хорошо кормить, а немцев хуже, то есть своих немцев, которые жили так, не в плену. Мама говорит, что им давали белый хороший хлеб, и они даже начали хлеб подбрасывать немцам, а немцы ходили и собирали хлеб этот. Русским начали давать и витамины, даже немножко мясные бульоны им готовили, там было чуть-чуть мяса, ну чисто символически, конечно. Так как в Германии тоже было немного мяса, все было бедно, скудно у них.

Когда папа служил в танковой стрелковой дивизии во Львове во время Великой Отечественной войны, он даже видел в бинокль, как немцы привозили оружие на поездах, а обратно вывозили чернозем. Грузили чернозем на Украине и вывозили его в Германию, нашу плодородную землю вывозили.

Что отца моего спасло? Я говорил, он тогда в шахте работал. Комендант пришел посмотреть какие там условия и какие отходы падают. Отец услышал, что камень летит в шурфе, а немец туда голову засунул, и папа его за ремень потянул. Коменданту челюсть сломало, только-только успел, а так бы и голову снесло. И из-за этого комендант тогда устроил отца в больницу работать медиком. Там уже работа была полегче и кормили нормально, получше.

А после войны Германию и Берлин разделили на 4 части: советскую, американскую, британскую и французскую. Союзники территорию между собой поделили чисто административно. Папа сначала находился в советской зоне, потом ему грозила там смерть от своих, он убежал в британскую зону.

– Это было возможно тогда?

– Из советской надо было удирать, а во всех других можно было договориться, чтобы в другую зону отправить. Там уже по-человечески обращались со всеми. Папа даже в советской зоне в тюрьме сидел. Его хорошим другом во время войны был мастер тонких ювелирных дел, дядя Миша Барбанец, моей крестной сестры отец. Он мог любой замок открыть, любой сейф. После войны многих русских спасал, подделывал документы немецкие, то есть, немецкую трудовую книжку, паспорта, всякую всячину. Документы людям делал. Он возьмет картошку, высушит и в парке сидит, вырезает печать.

– *Из картошки?*

– Из картошки подсушенной. Люди приходили в парк к нему и забирали документы, а ему денежку хорошую платили за это. Он очень многим так помог. Они вместе с отцом удрали из советской зоны, где их держали в одиночных камерах. Они перестукивались по системе Морзе. Тот ему говорит, я сегодня выйду и тебя выпущу, готовь простынь, мы спустимся и удерем. Отец ему, как и что? А тот ему, мол не бойся, я приду в 2 часа ночи к тебе примерно. Отец рассказывал, слышу, дверь открывается, тот уже умудрился замок открыть. Вместе сняли решетку с окна каким-то образом, спустились по простыням и удрали в британскую зону.

Был закон в британской зоне, что после 6 часов вечера нельзя было находиться на улице никому, особенно русским. Отец мой как-то раз вышел, англичане поймали, хотели моментом его сдать в советскую зону из-за нарушения закона. Конечно, приключений очень много было.

А мама жила в лагере в бараке, лагерь назывался женский трудовой лагерь. Там по 100 девушек жили в одной комнате, спали на нарах, двух- и трех-ярусных. Когда было время мыться, купаться, немцы поставят ванную, ну, кто первая, вторая искупается – это ладно, но воду не меняли, то есть после третьего человека уже лучше было не мыться. Так что вот какие условия были.

– *В каком году родители оказались в Австралии?*

– После окончания войны они были, как народ без страны и подданства.

– *Человек без гражданства.*

– Без гражданства. Да. Так как родители находились в британской зоне, у папы был выбор либо в Англию, либо в Америку, либо в Канаду, Новую Зеландию или Австралию. Он решил в Австралию: большой континент, развивающаяся страна, рабочих требуется очень много. Но в то время был договор с австралийскими властями, по которому надо

было подписывать контракт на 2 года. То есть приезжаешь в Австралию, устраиваешься на работу и правительство забирает всю зарплату, это чтобы оплатить билеты семье, жилье, питание. Жили в эмигрантском лагере, в небольшом городке Бонегилла. Русская эмиграция была очень сплоченная, все ненавидели советскую власть, коммунизм. У всех были случаи: или раскулачивали, или семью убили, расстреляли, казнили коммунисты, у всех было что-то общее. Было очень много талантливых людей: инженеры, доктора, священники, офицеры, музыканты, хореографы, танцоры – целый слой общества. Жизнь была очень культурной, интересной.

– *Расскажите о своем детстве, какие у Вас были друзья и русские, и австралийские, о русской культуре.*

– Сначала я находился дома с мамой, папа работал, имел свой самосвал, развозил стройматериалы для строительства дороги.

– *Это в Мельбурне?*

– Да. Но до этого он был электриком, обматывал электрические моторчики для дрелей, для инструментов всяких, изоляцию делал, генераторы и все такое. Обматывал ручную, работал на конвейерной фабрике, где конвейерные ремни делают; потом развозил одежду одним польским евреям, очень богатым, по Мельбурну. В основном в городе, в центре.

– *Это был ваш личный автомобиль?*

– Да, его личный, семейный мини-универсал был. Это было в пятидесятых годах, еще до меня. В детстве я начал ходить в детсадик, потом в начальную школу. А в начальной школе я был единственный русский. Там было несколько голландцев, итальянский мальчик был, мальчик из греческой семьи, так в основном окружение было англо-саксонское. Когда в школу пошел я, то по-английски еще плохо понимал. Мне было тяжело, но я уже начал понимать очень быстро, о чем учительница и сказала. Как мне вопрос задавала, я всегда смотрел либо в окно, либо в дверь, в сторону. Из-за того, что я по-английски первую неделю не разговаривал вообще, учительница меня наказывала тем, что после школы всех распускала по домам, а мне надо стулья складывать на столики. Мама начала беспокоиться, она за мной раз в школу пришла, а я уже складываю стулья и плачу, не могу сказать, что это учительница заставила. А учительница начала в то время маме говорить, мол типичные все вы эмигранты, вы дурные, не понимаете по-английски. Был тогда англо-саксонский менталитет: кто по-английски не разговаривает, не умеет, тот второго сорта человек. И маме даже

посоветовала, чтобы меня повела к врачу, что я по-английски не могу говорить, что я больной.

А на следующей неделе, на второй неделе школы, учительница мне какой-то вопрос задала, а я на английском ответил. И после второй недели я лучше говорил на английском, чем местные австралийцы. И учительница, удивляясь, говорит: «Ты что, лечился?». Я говорю: «Я вообще понимал раньше, но только не мог ничего говорить». И уже ко мне отношение было другое. Но эмигрантским детям было вообще тяжелее, потому что дети тоже очень жестокие бывают. В шестидесятых годах в Австралии на эмигрантов смотрели искоса и недолюбливали, конечно. И австралийцы, кстати, очень завидовали, потому что они сами по себе немножко с ленцой, немножко не совсем трудолюбивые. А эмигранты приехали с одним чемоданом, видят, что работы полно, можно заработать, можно что-то заиметь и все кинулись работать. И итальянцы, и греки начали покупать дом за домом. Залог дают, сдают в аренду, потихоньку квартиранты им выплачивали все. Конечно, цены росли и многие разбогатели. Как в любом обществе есть те, которые зарабатывают, и те, которые прорабатывают, то есть пропивают. Это везде есть, не только в России.

В начальную школу я ходил с 7 лет, потому что был подготовительный класс, проучился 6 классов, а после этого пошел в среднюю школу. Уже в 7-8 лет начал ходить в церковно-приходскую школу, православную, нашу русскую, а там педагоги были очень образованные, культурные, было очень много элиты: князья, княгини, графы. Все были образованные, работали на добровольной основе, им только платили за проезд. У нас было право на учение почти бесплатное при русской школе, там у нас были уроки русского языка, литературы, стандарт был неплохой. Закон Божий преподавали, географию, историю не искаженную, российскую.

После школы был премиум класс. Директор собирал всю школу и играл на скрипке, а мы пели. И при русской школе были музыканты, конечно. Они преподавали нам музыку, особенно мой учитель. Он все делал на добровольной основе, он бесплатно всех учил играть на балалайке, на домбре. Главное, чтобы нас учить, он сам выучился играть на всех инструментах, на которых в ансамбле играли в школьном оркестре, его звали Владимир Михайлович Яковский. Создал оркестр из детей. В зарубежье в те времена проходил такой День русской культуры, его и сейчас празднуют. Мы всегда в День русской культуры выступали, до 30 человек было в оркестре детей. В приходской школе

были у нас даже уроки бальных танцев. Я там года два учился бальным танцам. Потом иностранные танцы были, было много у нас хореографов, очень талантливых людей.

– *А в храм часто ходили?*

– Каждое воскресенье, по всем праздникам.

– *Исповедовались, причащались с малолетства?*

– Да, с малолетства.

– *У Вас была дружная семья?*

– Семья была дружная.

– *Вместе ходили папа, мама, сестра?*

– Да.

– *Как Вы выбрали профессию? Закончили школу, кто-то Вам порекомендовал стать бухгалтером?*

– Нет. Я просто любил всегда деньги считать.

– *То есть Вы уже стали бизнесменом?*

– Не совсем. Любил копить, когда маленький был. Мне давали в подарок денежки, когда еще фунты были. Я помню 2 пени, 3 пени дадут, а пени были большие деньги, такие, как копейка. У папы были мечты, чтобы я был либо офицером, в армии где-то служить, либо чиновником. Мне все это не нравилось.

– *И Вы решили быть свободным человеком, бизнесменом?*

– Да, люблю быть свободным и работать в конторе по профессии бухгалтерской. Что получилось: у меня там очень большой уровень стресса появился. Почему? Потому, что чужие проблемы я брал к себе домой и думал всю ночь, как свести баланс, где 5 копеек найти, где что-то не сходится. И даже спать не мог, головные боли появились. Многие из моих друзей, которые в 15 лет бросили школу, ушли работать на стройку. Все говорили: брось эту работу, иди с нами работать на стройках. Ну, я сравнил. Я в то время получал около 300 долларов за неделю. Они все по 1000 долларов чистыми получали в неделю, каждую неделю.

– *У них был физический труд, а Вы работали головой.*

– А я головой работал, но как-то раз напросился к одному знакомому подработать. Он давал по выходным дням работенку, например, зачищать швы по штукатурке. Я по выходным дням зачищал все, получал денежку в карман, на лапу, как говорят. Потом все потихоньку-потихоньку. Встретился с женой первой, поженились. Жил в городе Аделаиде, там население намного меньше, чем в Мельбурне, кажется, в 4 раза,

миллионный город, а Мельбурн четырехмиллионный город. И попросил этого знакомого, чтобы он устроил меня на работу, он согласился. И так потихоньку пошло-поехало. На этой работе я научился немножко плотницкому делу, потом водопровод, газопровод осилил, плитку немножко выкладывать. Короче, стал мастером на все руки.

– *Высшее образование Вы где получали?*

– Здесь, в Мельбурне.

– *Сколько лет Вы учились?*

– 4 года.

– *Бухгалтерии?*

– Да, второй главный предмет у меня экономика, то есть микроэкономика и макроэкономика, там были всякие тонкости. Изучали советскую экономическую систему, американскую и австралийскую и делали сравнения, всякие выводы делали.

– *Вот скажите, Вы все-таки экономист, можно сказать бизнесмен. Получилось у Вас реализоваться в профессии? Стать настоящим бизнесменом?*

– Я к этому не стремился никогда.

– *Цель экономического образования – это экономический успех. Удалось добиться?*

– Нет, я экономистом не работал.

– *Почему так получилось, что образование у Вас экономическое, а пришлось работать на стройке? Была очень высокая конкуренция?*

– Нет, наоборот, всегда эта специальность была востребована, но...

– *И все равно, образование Вам и на стройке пригодилось?*

– Конечно.

– *Вы умели просчитать результаты своего труда, может быть какого-то проекта?*

– Да, были и проекты... Я был казначеем при танцевальном ансамбле. У нас был ансамбль, в общем, с оркестром было 70 человек, в котором я был казначеем тогда. В одной из русских школ при церкви тоже был казначеем в Данденонге, у отца Михаила (Протопопова). При соборе я был ревизором, то есть проверял книги все, потому что русская школа начала получать дотации от правительства на каждого ученика. Мне надо было подтверждать, что все книги, все счета в порядке.

– *Скажите, а чем Вы увлекались, рыбалка, охота, путешествия какие-то?*

– Любил очень рыбалку в свое время.

– *Вы уже были семейным человеком, когда закончили вуз?*

– Нет.

– *Во сколько лет Вы женились?*

– В 26 лет.

– *Это уже человек, можно сказать, определившийся в жизни. Скажите, вот как-то Вы начали строить свой дом? Это же требовало и средств, и навыков, и умений всяких?*

– Сначала арендовали немножко, потом готовый дом покупали уже со второй, третьей руки. Чтобы строить, надо участок покупать, надо где-то жить.

– *То есть покупали уже готовое жилье?*

– Да, готовое жилье, потому что первоначально, когда человек женится, покупает что-то. Когда я малым был, в 1960-е годы, даже в 1970-е, здесь, в основном, работали папы. Обычная семья была мама с папой и двое детей. Отец работал и хватало, чтобы собрать какую-то денежку, отдать залог, взять кредит в банке, купить автомобиль, всех кормить, одевать, образование какое-то давать, ездить куда-то отдыхать. На это хватало, когда один работал в семье. А матери все были дома, хозяйничают по дому, в магазин ходят, детей в школу и из школы провожают. И, в основном, в те времена пешком все ходили. Думаю, просто был другой менталитет. А сейчас двое работают, детей нет и не хватает, концы с концами не могут связать никак.

– *То есть жизнь стала гораздо хуже?*

– Стало хуже, да, в этом отношении. Готовь все сразу: и мебель, и машина хорошая и дома хорошие. Чтоб все было, на всем готовом, чтоб все блестело и с золотыми ручками. Так что, конечно, берут намного больше кредит, который не под силу выплатить.

– *Валерий, когда Вы впервые оказались в России? И как это случилось? Россия, Белоруссия...*

– Да. Первый раз я там был в 1994 году. Как все это получилось? В детстве мама и папа рассказывали, что у них там братья, родители. И мама говорила, что когда ее забрали немцы в лагерь, то родители уже были в «чемоданном» настроении ехать в Казахстан, то есть их уже приготовили в Казахстан ехать, при Сталине было. Но это, слава Богу, не получилось. И мама очень много рассказывала про своих братьев, там у нее была семья, родственники разные в деревне в Белоруссии и в России. А я начал, конечно, в детстве задавать вопросы: «Ну, мама, почему не можем с ними встретиться,

увидеть их?». Она думала, что уже родители давным-давно поумирали и что никогда их не найдет. И когда пришла горбачевская власть, типа гласность, перестройка уже появилась, я начал маме говорить, что давай, разузнавай, может кто-то живой. Она вообще, нет, не хочу. И, самое интересное, у нее был страх сталинских годов. Она очень боялась этого террора сталинского. И что получилось. Я ей два года почти каждый день надоедал: «Ну, мама, напиши, напиши куда-то. Я даже не знаю, куда обращаться. А ты знаешь». Ну, в итоге, в один прекрасный вечер, где-то в 12 часов вечера, мама звонит и говорит: «Ой, сынок, я уже написала письмо». Но самое интересное, она писала своим братьям, то есть братьям Василию и Петру Трубчак, ее девичья фамилия Трубчак. Почтальон белорусский увидел, что письмо это братьям было написано, поехал в баптистскую церковь и спрашивает: «Такие братья у вас есть?». А те отвечают: «Таких братьев у нас нет. Но один из них живет по такому-то адресу здесь, в деревне». Так письмо к нему попало, к дяде моему, Василию Михайловичу. Потом нашли через международный справочник его телефон, позвонили. И мама с ним минуту-две поговорила. А тот был в шоке, конечно, вдруг сестра!

– *Полвека прошло.*

– И ему, наверное, даже не верилось. Да, почти полвека. Что получилось: через месяц от него письмо пришло. Потом опять через 2 недели после первого письма, то есть через 6 недель после того, как мама отправила письмо, второе письмо приходит с Владивостока. Это письмо от второго брата, он там в армии служил. Из-за суровых условий там была почти тройная оплата. Он там и остался, женился на местной. И мама, конечно, обрадовалась: ой, надо пригласить в гости, давай подадим оформлять. Я говорю: «Россия сейчас стала немножко другая. Сейчас аферистов много». Ну, написала письмо опять, чтобы выслали фотографии, то есть, родителей и себя. Они, конечно, прислали фотографии и все точно-точно. Это они были. В России все возможно было в те времена, да и сейчас. Их вызвали в гости. Когда они приехали, то узнали, что мамина мать, то есть моя бабушка, только 6 лет как до этого умерла, в 1985 году.

– *Они приехали сюда в Австралию?*

– Да, в 1991 году.

– *Два брата?*

– Два брата. Самое интересное, дядя говорил, что бабушка не верила, что моя мама умерла или пропала. Она каждый день выходила в деревне на автобусную остановку, ждала, что мама приедет. «Нет, моя Ханза (ее Ханзей называли) живая, ничего с ней не

случилось. Я знаю, что она когда-то приедет». Но, к сожалению, не дожидая. Это очень трогательная история.

– *А как Вы оказались все-таки в России?*

– Потом, когда дяди уехали, мама поехала на 3 месяца в свою деревню и там встретила всех своих соучениц, всех подружек детства, всех, всех. Из маминой деревни после войны, кажется, трое или четверо остались за границей. А мамина троюродная сестра удрала в Африку, тетя Мария Колуповская, но она вроде еще жива. Мама съездила в Белоруссию всех навестила, вернулась, а потом я поехал.

– *Ну и как Россия Вас встретила?*

– Отлично, я сразу себя почувствовал как дома, как будто бы я только уехал.

– *Вы приехали к дяде? К дяде Пете?*

– Сначала к дяде Васе. Василий в Белоруссии, потом побывал в Москве, несколько недель у других родственников, дальних, а потом во Владивосток на 2 недели. Конечно, контраст между Москвой и Владивостоком был в то время очень большой, но мне понравилось. Там у меня двоюродный брат, двоюродная сестра живут во Владивостоке, неплохо живут, Ольга и Андрей.

Потом съездил в Москву, там уже других родственников встретил, на все посмотрел. Мне очень понравилось, все было как-то близко, особенно потому, что уже храмы открывались, монастыри.

– *Вы человек двух культур: австралийской и русской. Скажите, чем на Ваш взгляд отличается одна культура от другой? Допустим, австралийская культура, в чем ее особенность, поведение, какие-то особенности?*

– Поведение совершенно другое, противоположное. Я даже скажу вот австралийцы любят очень много смеяться. Русские как-то поскромнее. Так как в Австралии мало истории, то у белых австралийцев культуры своей нет.

– *Австралия получилась страной, которая сконцентрировала в себе разные культуры, собрала и смешала их?*

– Да, но многие эмигранты, например, арабы, турки, они все равно живут своей колонией, то есть своим обществом. Они не смешиваются.

– *Валерий, а как Вы считаете, вот Вы ведь все равно новое поколение людей, которые вынуждены были эмигрировать из России? И удалось Вам на Ваш взгляд построить свою жизнь в Австралии? Реализоваться? Профессию приобрести, семью*

*и так далее? Или вот есть какое-то ощущение, что все-таки в России может быть Вам лучше?*

– Но меня всегда в Россию тянуло, хотя тоже был не согласен с системой, потому что система бывшая советская.

– *Видимо, Вы человек больше духовного образа жизни? Здесь у Вас тоже существует духовная Родина, это храм, Православие, близкие люди?*

– Да.

– *Этот монастырь, куда мы едем, Свято-Преображенский. Он стал для Вас и для Вашей семьи центром духовного окормления?*

– Да. Довольно часто езжу, мне нравится ездить. Моя вторая страсть – я люблю ездить, я люблю водить машину.

– *Вам нужно движение?*

– Да, движение.

– *Как Вы восприняли объединение церковей Русской и Зарубежной?*

– Очень даже положительно. Этого уже давным-давно ожидал.

– *Когда Вы впервые оказались в этом монастыре и какие у Вас там были встречи за весь период?*

– Монастырь – это очень интересное место, туда приезжают не только местные, но русские паломники со всей Австралии. Можно даже из России встретить, из Америки встретить. Туда и сербы многие приезжают, греки. Те, которые думают о Православии, тоже приезжают, и в итоге многие переходят. А особенно после беседы с отцом Алексием (Розентулом). Он объясняет четко, тщательно и очень убедительно и скромно.

Там устраивают еще детские лагеря, зимние сейчас. Ездим по 5-6 дней, детям очень нравится, - и в речке купаются, и костры устраивают. Монахи показывают всякие диапозитивы, то есть слайды, фотографии и рассказывают. Очень много интересного есть в Православии, только многие ничего не видят вообще. И чудес очень много.

– *В Вашей жизни были чудеса?*

– Да. Утром встал, проснулся – это уже чудо. Чудо сегодняшнего дня. Мои дети, конечно, тоже чудо. Вдохновение Святого Духа.

– *Помимо этого монастыря, в каких еще святых местах Вам доводилось побывать?*

– Только в России, в Москве: в Спасо-Андрониковом монастыре, Донском, Новодевичьем, в Сергиевом Посаде, в Новоспасском монастыре. В Сретенском, правда,

не был еще, но был в Оптиной пустыни. У нас квартира в Козельске, мы в Оптину почти каждый день ходили тогда.

– *Когда жили там?*

– Когда там находимся, но сейчас в Оптиной стало очень многолюдно и не можешь никак сконцентрироваться. Сейчас уже условия не те, которые были, неблагоприятные условия для молитвы стали.

Но ездим часто в Шемардино, там очень хорошо, храм огромный, там место есть, спокойно, тихо, мне хорошо всегда. После службы трапеза. У них смотрят за престарелыми, при церкви богодельня есть.

Еще есть очень много мест, которые надо посетить, это просто капля того, что видели. Был в соборе Василия Блаженного несколько раз на Красной площади. Там 9 храмов внутри, каждый храм построен в честь победы над татарами. И в честь какого-то святого, именно того дня, когда была победа над татарами. Так образовался храм. И каждый имеет свой алтарь, могут делать внутри храма крестный ход вокруг маленького храма.

– *Валерий, как часто Вы бываете в России?*

– Сейчас ежегодно езжу.

– *Ежегодно ездите в Козельск, навещаете родных?*

– Да, в Козельск, в Москву немножко. Родственники в Московской области дачу имеют, туда тоже ездим, и родственники тоже такие интересные. Очень много читают, очень много знают. В России вообще очень много читают по сравнению с Австралией.

– *Вы – молодой отец, какие у Вас дальнейшие планы в жизни? Понятно, что надо поднять детей, просто работать, обеспечивать семью. А есть еще какие-то планы, куда-то съездить, что-то посмотреть, может быть, на Святую землю или еще куда-то?*

– Тоже мечта на Святую землю как-то попасть. И, конечно, я не против переехать в Россию жить. Над этим вопросом мне надо подумать.

– *Как Вы думаете, типичный австралиец – это человек, который, прежде всего, печется о некоем благополучии материальном?*

– Да, это типичный австралиец, они в церковь тоже уже мало ходят.

– *Ходят формально?*

– Да. Раньше в Австралии было такое: в 1960–1970-х годах, в четверг, австралийцы получали получку, еженедельно. И по воскресеньям магазины не работали вообще, в

субботу только до 12 дня работали, а сейчас круглыми сутками работают и никаких праздников не признают, открыто и все. Только, правда, в Великую пятницу все было закрыто. Есть, конечно, очень много не христиан, мусульман полно и китайцев полно. Они вообще ничего не признают.

– *Наверное, и евреев тут немало?*

– Тоже немало. Я, кстати, на автобусе возил экскурсии по синагогам Мельбурна.

– *Есть тут синагоги?*

- Да, в Мельбурне множество синагог.

– *Есть, наверное, вообще атеисты?*

– Есть, конечно, атеисты, ни во что не верят, есть евреи за Христа. Есть такие здесь.

Но они делают все по-старинному, все свои старые обряды выполняют, исполняют.

– *Кто на Ваш взгляд счастливые люди в Австралии? Профессионалы какие-то?*

*Само понятие «счастья». Ваше представление о счастье?*

– Счастье – это взаимопонимание, особенно в семействе, для меня это важно.

– *А вот среди русских людей здесь Вы знаете такие семьи может быть?*

– Ну, конечно, знаю. Каждый счастлив по-своему. Многие находят счастье в деньгах, даже среди русских. Есть такие, что всего много, но он несчастливый, а есть, кто бедный, но ему хватает. То есть, кому хватает, тот счастливый. И тебе, например, нужна только одна ложка, чтобы кушать, не две или три ложки.

Некоторые из знакомых говорят: ой, Валера, у тебя голова такая, ты и то можешь, и бухгалтерию. Я, кстати, и налоговые декларации заполняю людям. Ты должен бизнесом заниматься, давать советы в бизнесе. Ты должен то-то, должен то-то.

– *По крайней мере, чтоб хватало семье.*

– Да, чтоб хватало. И чтоб не жить в обиде какой-то, что не хватает, не достаточно.

Чтоб все как-то выучились.

– *Я вижу, у Вас знак инвалидной коляски на лобовом стекле. Вы всем помогаете.*

*Как это Вам удается?*

– Некоторые говорят, которые завидуют: ты делаешь все для своей славы. Но для меня, если человек просит помощи, то помогу, отчего нет? Есть духовные заповеди, к которым мы должны стремиться. Свое внутреннее чувство к Богу, надо изнутри все делать, не только внешне. Но у многих людей по-разному получается. Кто делает на деле, а кто будет молиться днями – это по-всякому удается. Я считаю, что все нужно делать: и помочь кому-то, так и молиться надо тоже.

*– Я думаю, что Вам надо жить долго-долго, много лет на земле, крепко стоять на ногах, следить за здоровьем. У Вас молодые, маленькие детишки. А Ваша мама, еще несколько слов я хотел бы о маме расспросить. Вы ее навещаете, да?*

*– Навещаю, периодически.*

*– Историю своей семьи Вы сохраняете?*

*– Да, с маминой стороны и с папиной. Когда он был в Советском Союзе, он занимался фотографией. Он сам снимал, проявлял, отмывал все.*

*Когда дядя приехал, он привез целую кучу фотографий с маминой родней. Там бабушки, дедушки, мой дядя Петя, там полно родственников всяких. Так что с маминой стороны все есть. С папиной, к сожалению, нет. Хотя у папы дедушка очень был заслуженный, тоже Вишневский. Служил в русской армии во время обороны Севастополя. Под его командованием уничтожили 4 английских корабля. Он сам заведовал батареей. Короче, он был заслуженным, с четырьмя Георгиевскими крестами. И сам Николай I объявил в то время, что те, кто месяц на войне прослужит, получают зарплату за целый год! А прадед прослужил 12 месяцев, получил за 12 лет зарплату!*

*А потом они решили поехать в Тирасполь, в Молдавию. И там как раз князь Голицын имел имение, занимался виноделием и все такое. Князь Голицын дал ему виноградник, прямо с домом. А у прадеда было 18 детей. Мой дедушка, папин отец, был самым старшим из них, первым ребенком. У них был дом, папа мне рассказывал, что все жили в одном доме и было 42 комнаты в доме. Это на втором этаже, а на первом — магазин, под ним, в подвале – бочки с вином, а виноградник был за домом. И еще, князь Голицын за каждый орден прадеду подарил, это папа мне рассказывал, по 1000 золотых рублей. Так как было 4 ордена заслуженных, он еще 4000 рублей золотом получил.*

*– Какая у Вас история мощная! Конечно же, надо углублять и расширять всю историю рода и, конечно же, распространять. А я вижу, что здесь особенно заботятся о пожилых людях. Я видел, у Вас коляска в гараже. Это Вашей мамы?*

*– Да, мамина.*

*– Я так посмотрел, довольно часто на них ездят по асфальту, по тротуарам?*

*– Да, можно проехать между зарядками где-то 30 км. Здесь очень развито волонтерство и забота о пожилых людях.*

*– Я бы хотел расспросить о судьбе наших русских в Австралии. Как сюда приезжают люди, кем они здесь устраиваются, как у них судьбы устраиваются, есть ли какая-то типизация судеб?*

– Есть еще в живых несколько людей с самой первой эмиграции, послереволюционной.

– *Им, наверное, уже под 100 лет или больше?*

– Да. Мама живет в доме престарелых, одна дама напротив нее живет, зовут Вера. Ей уже под 100 лет, она полунемка, но обрусевшая, и до сих пор, как солдат, ходит прямо, быстро, шустро и в полном разуме своем.

Вторая эмиграция – послевоенная, это уже совершенно другой склад людей. Они приехали, потому что вынуждены были просто уехать из Германии, им дорога была закрыта на Родину, то есть могли бы поехать, но им было бы там не очень хорошо.

– *Это те, которые попали в плен к англичанам, американцам и французам. В основном, к англичанам и американцам, то есть Западная часть Германии.*

– Узники войны. Всем тогда можно было устроиться работать хоть на 2-3-х работах, потому что рабочий труд требовался здесь. Потому что австралийцы сами по себе в те времена не очень были трудолюбивые. Тогда эмигранты начали материально подниматься довольно быстро, потому что старались, так как приехали, в основном, с одним чемоданчиком на всю семью. Так и мой папа старался заработать, на работу брали везде и всюду. Здесь построили гидроэлектростанцию и не одну, а несколько. Там работали и русские, и венгры, кто только не работал. В основном, эмигранты работали. Давали жилье, заработки хорошие были, потому что сверхурочно могли работать.

Потом среди русской эмиграции появилась эмиграция из Китая. Во время культурной революции в Китае, когда китайцы начали притеснять русских, у китайцев было подозрение, что все русские - шпионы. Русским давали выбор: или ехать, пожалуйста, в Советский Союз, или за границу. Их оформляли, как беженцев, то есть что их выгоняют из страны, и Запад принимал всех запросто. Но сначала приезжали чисто русские, потом со временем смотришь, уже смешанные браки, где кто-то полукровец, то есть наполовину китаец наполовину русский. Потом на три четверти китайцы приезжали. Потом смотришь, чисто китайцы начали приезжать, но с русскими именами.

Потом начали приезжать, еще в 1960-х годах, евреи. Начали потихоньку приезжать. И в 1970-х годах еще больше евреев начало приезжать, особенно из Одессы, из Киева.

Многие эмигранты на фабриках работали, некоторые по специальности как-то устроились, некоторые водителями, шоферами.

Кто винный магазин завел себе, довольно неплохое дело было. Чем еще занимались? Кто на стройках, так как в те времена не надо было иметь какой-то диплом

или доказательство. Талант какой-то есть, позовут, пригласят. Хозяин скажет: покажи, что можешь? Ну, забей гвоздь сюда или как сколотишь эту раму здесь. Видит, что можешь делать – сразу брал, так и устраивались люди. И заработки тоже неплохие были на стройках. А кто и уборщиком, на всяких работах устраивались.

Самое интересное, в 1970-х годах сделали перепись населения и оказалось, что у эмигрантских детей самая большая пропорция образованных. Это были русские по статистике.

– *У Вас дома бывали интересные люди?*

– Да, очень часто. Как Саша Ильин говорит, всегда ездили с какой-то целью, не только посмотреть на представление, а познакомиться, домой пригласить. Все-таки у родителей всегда была вечная тоска, ностальгия какая-то.

– *По России?*

– Да, по России. И самое интересное, послевоенная эмиграция и, конечно, русские из Китая начали строить храмы, создавать приходы. И в 1960-х годах этнических русских было 4 тысячи, в Мельбурне в основном, и 3 храма, но храмы были переполнены всегда. А сейчас 68 тысяч русскоговорящих в Мельбурне, но храмы полупустые. Такой парадокс.

В основном, ходят некоторые из батюшек, выполняют миссионерскую работу. И, чтобы пополнить храм, они в нерусской среде ищут прихожан, богомольцев. Русские приезжие ходят, особенно на Пасху. В любой храм зайдешь русский, там море людей незнакомых. Так нигде не увидишь, только в церкви, на праздники.

– *Чем русские люди занимаются вот на данный момент, на сегодняшний день? Что они делают?*

– Сейчас очень много инженеров, программистов, которые без знания английского языка приехали, даже евреи. Они в торговлю пошли сразу, по рынкам, в магазинах работали, даже свои магазины заводили. Вот прямо с судна, из самолета сразу получали пособия по безработице и подрабатывали у своих за какие-то гроши в час. Потом, когда выучились, как все делать, сами пооткрывали такие бизнесы. И очень многие так быстро, прямо на глазах поднялись финансово, материально. Тоже интересно видеть, если кто материально растет и капитал у них растет, то как люди меняются. Это очень интересно. Эти волны эмиграции приезжали, все в определенных районах жили, все вместе работали, многие на тех же заводах или даже вместе по какой-то работе, как электрики, например. И когда уже потихоньку люди начинают

богатеть, то немножко уже отличаются от своего ближнего. Они продают свое жилье в старом районе и в лучший район уезжают.

– *А бывает так, что кто-то из русских «вылетает на обочину»?*

– Тоже бывает, как во всех обществах. Но кто богаче стал, он уже зазнался немножко, уже не хочет знать других.

– *Разделение происходит?*

– Разделение происходит. Это особенно происходит между теми, которые никогда ничего не имели, а тут уже немножко в карман положили, есть что-то за душой.

– *А как здесь живут австралийские аборигены? О них мне хотелось бы расспросить, о коренном местном населении. Приходилось ли сталкиваться с ними, общаться?*

– Конечно. Это особый случай. Они – бывшие хозяева этой страны, континента. До белого пришествия их численность была где-то 300 тысяч по всей Австралии. То есть, они жили как-то на природе. В каком смысле? Они, например, сжигали леса, то есть когда условия позволяли, они сжигали леса, чтобы предотвратить, например, пожары во время засухи. Если будет очень жаркое лето, они специально сжигали не деревья, а все мелкие растения, которые под деревьями, между деревьями находятся, чтобы было более безопасно потом, в будущем. Мудрые люди.

Но что с аборигенами случилось? Они научились пить. А пить-то они не могут, они очень слабые.

– *Алкоголь же завезли европейцы?*

– Да. И аборигены очень многие стали зависимы от алкоголя. И потом у них здоровье начало ухудшаться, начали мешаться с белыми тоже. Они по этой причине не вымирают, а вырождаются, потому что больше светлых становится их. Потом что получилось здесь? История очень длинная, но было время, когда детей отбирали у родителей и их называли «потерянным поколением».

– *Детей у аборигенов отнимали?*

– Да, отнимали у аборигенов и воспитывали белые, так что дети не знали своих родителей, как сироты многие были. Брели в рабство и так далее, и такое прочее. Там они теряли свою идентичность, свою культуру.

Потом в городах от них начали потихоньку избавляться. Как избавляться? Начали строить резервации, чтобы с глаз долой, потому что в городах они торчат около пивбаров. Люди, например, идут мимо, они подходят, кланчат деньги.

– *Правду говорят, что они порой наносят себе какие-то увечья, чтоб получить пенсию по инвалидности?*

– Это правда. Печально, что правительство старается их избегать: аборигены потребовали от правительства извинения, что с ними когда-то предыдущие поколения плохо обращались, дошло до того, что они уже не хозяева, что их мало стало. И правительство как-то извинялось до определенной степени. В 1960–1970-х годах было очень много талантливых аборигенов: и художники, и спортсмены, особенно теннисисты, бегунами хорошими были, боксерами неплохими были тоже.

– *Сейчас стало гораздо меньше?*

– В пропорции по отношению ко всему населению да, меньше стало, и вырождаются тоже.

– *Спасибо, Валерий, за такую подробную, насыщенную беседу.*

– И Вам спасибо, было очень интересно с Вами поговорить.